

УДК 323.323.2(476)

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

**СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БЕЛАРУСИ
НА ИЗЛОМЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В статье показано положение сельского хозяйства и промышленности Беларуси на этапе завершения Первой мировой войны. Обращено внимание на перемены в экономике, которые произошли после свержения Временного правительства. Отмечены ход и последствия осуществления декрета о земле и рабочего контроля над производством. Уточнены направления и результаты германской экономической политики в оккупированной Беларуси. Освещены мероприятия большевиков Западной области (Коммуны) в сельскохозяйственной и промышленной сферах. Определено влияние военного фактора на экономику Беларуси с лета 1917 по зиму 1918 года.

Ключевые слова: сельское хозяйство, промышленность, Беларусь, Первая мировая война, большевики, германская оккупация, реквизиция, хлебная монополия, национализация.

N. Ye. Semenchyk

Belarusian State Technological University

**AGRICULTURE AND INDUSTRY OF BELARUS
AT THE CHANGING POINT OF WORLD WAR I**

The article dwells upon the state of agriculture and industry in Belarus at the final stage of the First World War. Major focus is put on the changes in the economy that occurred after the overthrow of the Provisional Government. The course and consequences of the implementation of the Decree on Land and workers' control over production are described. The strands and outcome of Germans' economic policy in occupied Belarus are elaborated. The author gives an account of the activity of the Western Region (Commune) Bolsheviks in the agricultural and industrial fields. The military factor's impact on the economy of Belarus during the period from the summer of 1917 to the winter of 1918 is defined.

Key words: agriculture, industry, Belarus, World War I, Bolsheviks, german occupation, requisition, bread monopoly, nationalization.

Введение. Основное внимание исследователей проблем Первой мировой войны сконцентрировано на деятельности большевиков по подготовке Октябрьской революции и борьбе за мир. Значительно реже в трудах отечественных историков освещались экономические аспекты, без которых трудно осмыслить реальную роль ленинской партии в решении важнейших житейских вопросов белорусского народа на сложных этапах его истории. Но и те немногочисленные труды по причине их идеологической зашоренности уже не могут соответствовать запросам современных исследователей.

Основная часть. Четвертый год участия России в мировой войне усилил необходимость модернизации ее экономики. Что касается сельского хозяйства, то царское, а затем и Временное правительства в лице Министерства земледелия, не стали откладывать ее «до лучших времен». В Беларуси, как и повсюду в стране, продолжалось кредитование хуторских хозяйств, внедрение пунктов проката орудий труда, распространение элитных сортов семян и породистых животных. В штатах губернских и уездных органов правления состояли агрономы, ве-

теринары и другие специалисты, которые работали в тесном контакте с земскими коллегами. Их услугами пользовались не только помещики, но и крестьяне. Так, в Минской губ. первым принадлежало 5 257 000 дес. земли, вторым – 1 946 000 дес. [1]. В Могилевской губ., соответственно, 1 006 700 и 2 228 700 дес. [2]. При этом существовали хозяйства, в которых было мало земли или не было совсем. В Минской губ. таковых, к примеру, насчитывалось 1900 дворов [1].

Несмотря на наличие в Беларуси до 300 тыс. батраков, спрос на рабочую силу превышал предложение.

После реквизиции на нужды фронта собранных культур для внутреннего потребления до нового урожая не всегда хватало, поэтому ежегодный подвоз в каждую губернию Беларуси составлял 3–4 млн пудов муки и зерна [3].

Собранный летом – осенью 1917 г. урожай не вызывал у властей Могилевщины особой тревоги. Хотя урожайность ржи и пшеницы была ниже средней, зато хорошо уродились картофель и гречиха, и это позволяло надеяться, что большинство сельских жителей могли прожить

до нового урожая на собственном хлебе [4]. Достаточно благоприятная в этом отношении картина сложилась и на Минщине [5]. Но в Витебской губ. излишки продуктов имелись только в Лепельском уезде [6], поэтому все надежды возлагались на привозной хлеб.

Интендантские службы Западного и частично Северного фронтов рассчитывали на заготовку в Беларуси не менее 6 млн пуд. картофеля, 150 тыс. пуд. свеклы, 100 тыс. пуд. капусты, по 50 тыс. пуд. моркови, редьки и репы [7]. Кроме того, ежемесячно на фронты поступали сотни тысяч пудов говядины. Так, летом 1917 г. с Витебщины ожидалась поставка 67 тыс. голов крупнорогатого скота [8], с 5 уездов Минщины – 35 тыс. [9].

Здесь же животноводство было представлено крупнорогатым скотом, свиньями и овцами. В Витебской губернии работали два контрольных союза, занимавшихся подбором молочных коров для экономий [10, с. 430]. Как правило, у крупных землевладельцев коровы были ангельской, симментальской и швицкой пород, а свиньи – йоркширской. Крестьянский скот являлся беспородным. Коневодство в Беларуси осуществлялось в основном для нужд сельского хозяйства. Хоть и реже, но можно было приобрести лошадей и для верховой езды. Так, для этих целей при Горецкой ферме имелся завод с 5 жеребцами и 26 кобылами норвежско-арденской породы. Кроме того, уездным земством были открыты 3 случных пункта с жеребцами рысистой породы [11].

Отношение властей к изъятию лошадей для нужд фронта было достаточно взвешенным. В итоге на Могилевщине было реквизировано до 6% лошадей, что соответствовало общероссийскому показателю. Из мобилизованных в стране 1500 тыс. лошадей [12] треть была задействована на Западном фронте.

Осенью 1917 г. в Витебской губ. насчитывалось 186 тыс. лошадей, 462 тыс. голов крупнорогатого скота, 734 тыс. овец, 1,7 тыс. коз, 386 тыс. свиней, всего более 1 млн 772 тыс. животных; в Могилевской губ. (соответственно) 465 тыс., 748 тыс., 1001 тыс., 3,9 тыс. и 979 тыс.; всего более 3 млн 198 тыс. животных. По данным 1916 г., в Минской губ. общее поголовье животных составило около 1 млн 938 тыс. животных. По этим показателям белорусские губернии занимали средние места по стране [13, с. 10–55] [14, с. 211].

Заготовка сена для животных осуществлялась из муражных, заливных, суходольных, болотных, лесных и сеяных трав. Значительная часть местного фуража предназначалась для прокорма фронтовых лошадей.

Гражданская и военная власть старались влиять на доступность сельскохозяйственных

продуктов для населения, а также на равномерность его распределения. В этих целях было издано постановление о хлебной монополии и твердых ценах на хлеб, были введены нормы потребления для едоков и домашних животных, установлены цены на рабочую силу и др. Но усиление в армии антивоенных настроений, обостренных провалом летнего наступления и упадком воинской дисциплины, помимо прочего, ослабило заботу о снабжении фронтовиков.

Вследствие недальновидной политики Временного правительства хлебная монополия, по сути, была сорвана и крестьянство переставало продавать свои продукты. Сельское хозяйство все сильнее вовлекалось в сферу подготовки к аграрной реформе.

В 1917 г. основными видами промышленности неоккупированной части Беларуси оставались деревообрабатывающая, кожевенная, обувная, льнопрядильная, бумажная, пищевкусовая. По своей принадлежности основная масса мастерских, заводов, фабрик, пекарен являлась собственностью местных буржуа. Нескольким крупным заводам оборонного значения работали в Витебске, Минске, Гомеле, Бобруйске и др. Большинство предприятий принадлежали Западнофронтовым комитетам Всероссийского земского союза (ВЗС), Всероссийского союза городов (ВСГ) и др. Табачные и махорочные фабрики Витебска, Могилева были призваны удовлетворять запросы солдат и гражданского населения.

К середине осени 1917 г. доминировавшая с начала революции идея достижения демократического мира военным путем была окончательно дискредитирована. Польша, часть Прибалтики и Беларуси по-прежнему оставались оккупированными противником. Но нежелание солдат воевать, усиливаемое разлагающей пропагандой большевиков, переставало выглядеть аморальным как на передовой, так и среди населения прифронтовой Беларуси. В то же время упадок военной дисциплины и иллюзия близкого окончания войны подрывали благотворительное движение в пользу армии. Становилось массовым такое явление, когда поставки крестьянами сельскохозяйственных продуктов на нужды армии переставали рассматриваться как обязательные. В результате в октябре 1917 г. продовольственное и фуражное обеспечение фронтовиков резко ухудшилось.

В сложившихся условиях перспектива продолжения Россией военных действий выглядела губительной не только для армии, но и для всей страны. Основная масса российской общественности, в том числе белорусской ее части, связывала выход из кризисного положения с выборами всенародного парламента.

Но 25 октября 1917 г. в обстановке всеобщего ожидания перемен большевики отдали предпочтение силовому варианту решения всех проблем – через вооруженное восстание и захват власти. Обнародованные 26 октября 1917 г. В. Лениным декреты о мире и о земле прежде всего были обращены к солдатам России. В своей массе будучи призванными из деревни последние не желали воевать и ожидали передела помещичьей земли, поэтому их действия в поддержку большевиков были наиболее действенными.

Новое «временное рабоче-крестьянское правительство» предприняло шаги к началу переговоров с австро-германским блоком о мире и выходу России из войны. Тем самым в стране создавались предпосылки к осуществлению кардинальных преобразований, в том числе – в сфере экономики. Так, в принятом декрете о земле большевики объявляли о конфискации помещичьих, удельных, монастырских и церковных земель и о их переходе вместе со всем живым и мертвым инвентарем, постройками в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов.

Большевики объединяли крестьянских депутатов в единые с рабочими, солдатскими и батрацкими депутатами Советы и включали в земельные отделы. Функции земельных комитетов передавались тем же земельным отделам. Борьба большевиков за доминирование в них оставляла без внимания начавшееся погромное движение солдат, оставшихся без снабжения. Развал фронта, помимо прочего, вел к тому, что лошади стали погибать от бескормицы [15].

Основная масса экономий располагала запасами хлеба урожая 1917 г. Молочный скот, особенно элитных пород, также оставался здесь. Первыми, кто мог претендовать на это имущество, были коммунары, члены товариществ по обработке земли, бедняцкие и батрацкие семьи или отдельные лица. Общие правила распределения земель были выработаны с принятием 27 января 1918 г. III Всероссийский съездом Советов «Основного закона о социализации земли». Однако его широкой реализации так и не произошло. Как переговоры о мире, так и упомянутый закон использовались как средства упрочения большевистской власти.

После Октябрьского переворота промышленность Беларуси оказалась в условиях, еще более неблагоприятных, нежели осенью 1915 г. Развал Западного фронта сделал ненужными обслуживавшие его организации. В результате в городах возникла безработица, усиливаемая притоком демобилизованных и бежавших с фронта солдат. Созданные новой властью органы управления народным хозяйством, в том

числе промышленностью, не пользовались авторитетом у рабочих. Декларируемая Советской властью национализация предприятий широкого распространения не имела и носила скорее репрессивный характер.

По принципиальным соображениям организованный рабочий класс не выдвигал требований о коренных преобразованиях в промышленности вплоть до окончания войны. Между тем в соответствии с обнародованным положением «О рабочем контроле» от 14 ноября 1917 г. трудящимся предлагалось брать в свои руки предприятия и организовывать производство в интересах всего народа. Но рабочий класс, возглавляемый профсоюзами, отказался признавать новую власть и ее постановления. Только часть рабочих и отдельных профсоюзов пошла на сотрудничество с Советской властью.

17 декабря 1917 г. СНК Западной области и фронта по политическим соображениям принял постановление о закрытии учреждений ВЗС и приспособлении их к гражданским нуждам. По приказу А. Мясникова все военно-технические учреждения передавались в ведение Комиссариата народного хозяйства [16].

Созванный в декабре 1917 г. Витебский губернский съезд Советов признал необходимым создание отдела промышленности и труда, национализации городской недвижимости, оживление закрытых предприятий, но в самом городе ситуация с промышленностью ухудшалась: закрывались кирпичные заводы, мастерские кожевенного и швейного производства.

Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта также призывал к осуществлению контроля над производством, восстановлению неработавших предприятий и повышению производительности труда. Но возобладало общее мнение взять на учет те предприятия, работа которых полезна для всех, и оставить их в руках прежних владельцев. А в числе национализированных объектов преобладали аптеки, рестораны, киоски.

Развал фронта пагубно сказался на положении промышленности. С закрытием предприятий по обслуживанию фронта и прекращением финансирования не сразу удавался их перевод на выпуск «мирной» продукции. Приток в города демобилизованных и дезертировавших с фронта солдат усилил безработицу. Из-за транспортных проблем ухудшилось поступление сырья и других компонентов, необходимых для производства. Экономические вопросы с малой долей успеха решали соответствующие секции (отделы) Советов. Общее руководство экономикой было возложено на Комиссариат народного хозяйства Западной области и фронта

до его роспуска 17 февраля 1918 г. В целом рабочий класс пока не увидел преимуществ Советской власти перед прежним строем, поэтому встал к ней в оппозицию.

После вступления в силу Брестского договора от 3 марта 1918 г. под оккупацией кайзеровских войск оказалось $\frac{3}{4}$ территории Беларуси. Сепаратный мир предоставил им здесь полную свободу действий. Основное направление политики оккупантов по отношению к захваченной территории, ее населению и природным богатствам выразилось в виде спланированной системы использования местных материальных ценностей в своих интересах. Кайзеровские войска давали себе отчет в том, что для продолжения войны против Антанты необходимо пополнять свои истощившиеся экономические ресурсы как за счет военных трофеев, так и эксплуатации захваченных земель. В этом плане оккупированные уезды Витебской, Минской Могилевской губерний представляли значительный интерес и прежде всего в продовольственном плане. В отличие от «освоенных» уже уездов Гродненской и Виленской губерний, вновь захваченные германцами земли Беларуси имели значительный потенциал в виде запасов хлеба и фуража, поголовья животных, посевных материалов, а также трудовых ресурсов.

Созданный здесь политический режим нацеливался на максимальную и бесперебойную отправку продовольствия, сырья и прочей местной продукции на нужды рейхсвера и в кладовые Германии. Эти функции осуществлялись отделом Обер-Ост, созданным в Управлении штаба главнокомандующего Восточным фронтом [17, с. 250]. Весь его аппарат стремился направить взаимоотношения с местным населением в русло обозначенного оккупантами правового поля. В числе первых шагов завоевателей в этом направлении на вновь захваченной территории стала отмена в марте 1918 г. всех большевистских распоряжений и органов власти и возвращение к прежнему, преимущественно царскому законодательству. Имена, предприятия, иная национализированная собственность возвращались прежним владельцам [10, с. 47].

Вместе с тем несмотря на то, что городские и земские самоуправления были для оккупантов связующим звеном с местным населением, захватчики осуществляли свои планы самостоятельно, не апеллируя к гражданским «властям». Даже созданное в рамках Белорусской Народной Республики Министерство земледелия не принималось оккупантами во внимание и фактически не имело существенного влияния на развитие сельского хозяйства.

В «бесхозных» помещичьих экономиях изымались запасы зерна и картофеля, скот, домашнее имущество. В большинстве же имений, куда вернулись помещики, завоеватели помогали им вернуть расхищенный живой и мертвый инвентарь [10, с. 74] и силами крестьян осуществить весенний сев. В дальнейшем же крестьян обязали (за плату или без нее) выполнять в тех имениях разного рода полевые работы. Под надзором помещиков происходил сбор налогов в пользу оккупантов.

Все пустующие земли сельскохозяйственного значения, вне их зависимости от принадлежности, должны были быть засеяны и обработаны [10, с. 75]. Волостным управам вменялось в обязанность осуществление в деревнях учета всего скота, зерна, картофеля и т. п., а также равномерное распределение семян [10, с. 76]. Учет крестьянской и помещичьей продукции давал оккупантам дополнительную возможность изъятия той ее части, которая выходила за установленные законом нормы потребления.

Не меньшее внимание оккупационными властями уделялось положению дел на крестьянских подворьях. В этих видах местная гражданская администрация обязывалась осуществлять точную и подробную опись имущества крестьян, состава их семей, количества и ассортимента потребляемых продуктов. Вслед за подачей требуемых сведений главы семейств уведомлялись о необходимости уплаты податей и выполнении иных трудовых повинностей.

По сводке Народного комиссариата по военным делам, в оккупированной Беларуси все лица мужского пола 11–60 лет были обязаны платить 9 марок в год, за каждую лошадь их хозяевам полагалось платить 75 марок, за корову – 35 марок и 1 фунт масла в неделю, за курицу – 3 марки и 2 яйца в неделю [10, с. 96]. Неуплата налогов каралась штрафами, тюремным заключением, иными санкциями.

Вся отрасль белорусского животноводства (лошади, крупнорогатый скот, овцы, свиньи) и птицеводства (куры, гуси), а также производство мясных продуктов и торговля ими находилась под жестким контролем оккупантов. Летом 1918 г. здесь начались усиленные реквизиции животных. Так, 10 июля только со станции Шклов на запад было отправлено 40 эшелонов лошадей. Подобные грузы отправлялись и из других районов Беларуси [10, с. 171].

Оккупанты вменили в обязанность крестьянам только им продавать скот и птицу. Исключение делалось для мелких владельцев тяглой силы, когда хозяину позволялось иметь необходимый минимум лошадей для обработки пашни [18]. Соответственно, только немецким интендантам позволялась реквизиция кож, щетины,

конского волоса. Каких-то особенных мер, направленных на улучшение сельского хозяйства, оккупантами не предпринималось, разве что в целях извлечения максимальной прибыли.

Пик изъятия сельскохозяйственной продукции в форме реквизиций совпал со времени созревания трав, зерновых, картофеля, откорма скота и птицы и т. д. Характерно также, что по деревням распространялись объявления, «воспрещающие жителям без разрешения германских властей приступить к покосам, сбору овощей и картофеля» [10, с. 171].

В соответствии с Добавочным русско-германским договором от 27 августа 1918 г., оккупанты обязались освободить занятые ими территории, в том числе Беларусь, по мере получения денежных обязательств в сумме 6 млрд марок [19].

По сообщению газеты «Новости дня», 14 ноября 1918 г. немцы, получив указания из Берлина, ликвидировали свои оккупационные учреждения в Беларуси и передали гражданское руководство городским и земским управам, а затем заявили об отмене поставок и реквизиций. Однако оккупанты оговорили себе право на вывоз имущества и материальных ценностей в виде станков, машин, сырья и др.

Как известно, помимо богатых трюфеев, доставшихся оккупантам после бегства Красной армии, в их руки попали громадные материальные, природные и людские ресурсы Беларуси, которые были использованы прежде всего в военных целях. По сравнению с сельским хозяйством, промышленность не привлекала аналогичного внимания новых властей. Из важнейших ее отраслей ими была быстро освоена заготовка и обработка древесины. Так, в мае 1918 г. в Беловежской пуще действовало около 300 лесопилок, продукция с которых отправлялась в Германию [10, с. 95–96]. Интересам оккупантов отвечало изготовление бумаги, переработка пищевых продуктов (овощи, фрукты, молоко, мясо и др.), производство спирта и табачных изделий, добыча торфа и фосфатов. Кроме прочего, оккупантам досталось оборудование остановленных фабрик и заводов, запасы сырья, детали из цветных металлов, что также активно вывозилось в Германию. Так, 10 июля со станции Шклов немцы вывезли 32 вагона льна, 22 вагона тряпья, 38 вагонов бумаги со шкловской бумагоделательной фабрики [10, с. 171].

Участие оккупантов в налаживании того или иного производства зависело от рода продукции, которая могла быть полезной их армии или государству. В любом случае они обеспечивали правовую базу для предприятий и создавали зависящие от них условия для дальнейшего взаимодействия с местным населением. Как и в остальных сферах его жизнедеятельности,

в промышленности были восстановлены существовавшие до революции формы собственности и правила внутреннего распорядка. Восстановив капиталистический рынок, оккупанты тем не менее оговорили приоритетные для себя в нем сферы, к примеру монополию на производство и продажу алкогольных и табачных изделий.

Производство и реализация всех товаров должны были стабилизироваться с упорядочением денежной системы. Так, вместе с русским рублем имели хождение ост-марка и ост-рубли, в отношении 1 : 2. В целях борьбы со спекуляцией устанавливались максимальные цены на отдельные товары, а также нормы их покупки.

С началом эвакуации германских войск из Сенненского, Лепельского и других уездов и до полного ими оставления территории Беларуси на всех железных дорогах и близлежащих к ним местностях происходила погрузка, по сути, награбленного ими имущества. Так, 4 октября 1918 г. в районе Полоцка продолжалась вырубка и сплав лучшего строевого леса [10, с. 261]. Сообщалось о подготовке к вывозу из Могилева станков, динамо-машин, рельсов, «до старых болтов включительно» [20]. Уходя, немцы угнали сотни паровозов, вагонов и платформ, груженных всем, что могло им пригодиться. Характерно, что все ненужное либо не подлежащее перевозке (к примеру, оборудование железнодорожных станций), продавалось крестьянам из окрестных сел. По сообщению члена Реввоенсовета Алибегова И., 24 ноября перед своим отъездом на линии Загатье – Сковка – Полоцк – Молодечно «немцы распродали железнодорожные сооружения местным крестьянам, когда пришли наши части, разгром был остановлен» [10, с. 330]. В этой связи политкомиссар всех освобожденных от оккупации областей Западного края Мануильский Д. категорически запретил «частным лицам покупать у германских войск какое бы то ни было имущество, в особенности железнодорожное» [21].

Таким образом, для содержания своих войск, а также поддержания экономического потенциала своей страны германские оккупанты на завоеванной территории Беларуси смогли наладить действенную систему производства, купли-продажи, реквизиции, изъятия (в виде налогов, наценок, обменного курса ост-марки и ост-рубля, лицензий, штрафов и т. д.) материальных ценностей главным образом в виде сельскохозяйственной, промышленной и сырьевой продукции. По сообщению берлинской прессы, стоимость вывезенных ими из Беларуси ценностей превышала 5 млрд марок.

Большевики советской части Беларуси выражали беспокойство за сохранность имущества и продовольствия у жителей, в скором вре-

мени долженствовавших избавиться от германской оккупации.

Как известно, еще в апреле 1918 г. оставшиеся свободными от оккупантов уезды Витебской и Могилевской губерний были объединены со Смоленской губ. в Западную область РСФСР. В ее границах и продолжились революционные, в том числе экономические мероприятия большевиков, эвакуировавшихся сюда из Минска. Что касается декрета о земле, то его благоприятных последствий на сельское хозяйство замечено не было. Весной 1918 г. главным объектом деятельности новой власти стали помещичьи имения, а целью – поиск продовольствия и семян для посевной кампании.

К этому времени население деревень стало возрастать за счет солдат, возвратившихся с фронтов, беженцев и крестьян, по причине безработицы вернувшихся из городов. Местные власти, решая судьбу бывших имений, стремились в первую очередь удовлетворить запросы не отдельных лиц, а групп трудящихся, высказавших желание объединиться в сельскохозяйственные товарищества.

В зависимости от размеров или доходности оставшейся в сохранности экономики здесь могло быть организовано одно или несколько коллективных хозяйств, а «лишние» земля, скот или инвентарь – переданы бедным (малоземельным, безлошадным, бескоровным и т. д.) крестьянам.

Весной – летом 1918 г. в рамках каждой волости под руководством земельного отдела Совета депутатов начало осуществляться наделение земли тех, кто выказал желание ее обрабатывать. В большинстве случаев за единицу меры надела бралось количество едоков в семье наделяемого. Что касалось распределения сенокосов, то в одной местности наделения происходило по количеству скота, а в другой, опять-таки, по количеству едоков. Все, кто получал землю, был обязан ее засеять. Семена для неимущих, как правило, изыскивались в имениях или конфисковались у зажиточных крестьян, по большевистской терминологии – «кулаков». Уцелевший от разграбления имений инвентарь передавался в прокатные пункты. Там, где они отсутствовали, инвентарь передавался (продавался) в беднейшие хозяйства.

19 июля 1918 г. декретом СНК РСФСР племенной скот из бывших имений был объявлен общенародной собственностью [10, с. 201] и разделу не подлежал.

Для увеличения производства и поступления хлеба из деревни в город заметных мероприятий сельскохозяйственного характера не предпринималось. Вместо них 20 мая 1918 г. председатель ВЦИК РСФСР Свердлов Я. поставил задачу силами беднейших крестьян и ба-

траков разжечь гражданскую войну в деревне, установить продовольственную диктатуру, осуществить хлебную монополию, подорвать экономическое господство кулаков и тем довершить социалистическую революцию [22, с. 104]. В этих целях 11 июня 1918 г. ВЦИК РСФСР принял декрет «Об организации комитетов деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями». Со своей стороны комбеды оказывали первоочередную помощь своим избирателям – батракам и деревенской бедноте в виде передачи земельных наделов, продуктов, скота, инвентаря. Все остальные деревенские жители имели возможность купли-продажи хозяйственных принадлежностей, скота, кормов и т. д. только с их разрешения.

Комбеды устанавливали норму содержания домашних животных в индивидуальном хозяйстве. Все, что превышало их количество, распределялось между коммунарами и нуждавшимися [22, с. 231]. За критерий нормы наделения лугами ими бралось не число имевшихся в хозяйстве животных, а количество душ в каждой семье [10, с. 245]. В результате зажиточные хозяева были вынуждены распродавать свою живность по бросовым ценам. Так, в Смоленской губернии количество безлошадных хозяйств уменьшилось на 1,4%, а их число с одной лошадей увеличилось на 11%. Одновременно количество дворов с 3–5 лошадьми [22, с. 231] сократилось почти на 50%.

Важнейшим направлением деятельности комбедов летом – осенью 1918 г. явилось создание коммун, сельскохозяйственных артелей, товариществ по совместной обработке земли и советских хозяйств. В своем большинстве коммуны организовывались в бывших имениях, в которых еще сохранялось прежнее имущество, скот, инвентарь [10, с. 276]. И хотя потребительская функция коммун намного превышала производственную, их организаторы видели в них свою политическую опору и зачатки нового, социалистического строя.

Первый советский урожай в колхозах и на бедняцких полях оказался невысоким. Чтобы засеять свои поля озимыми, нуждавшимся не хватило посевного материала, поэтому властям пришлось изымать его у кулаков и хуторян [23, с. 176]. Кроме того, пережитый зимой 1917–1918 г. голод заставил население Витебщины расширить озимые поля на 15 тыс. десятин, или на 8%, больше прошлогодней площади.

В целях успешного сева озимой ржи власти уделили большое внимание поиску семян, обеспечению сева сельхозтехникой, укреплению материальной базы прокатных пунктов [10, с. 201, 206].

Осенью 1918 г. оставалась нерешенной проблема кадров в службах земледелия, садоводства и молочного животноводства. Продолжавшаяся перераспределительная и конфискационная деятельность комбедов в ущерб экономической целесообразности подрывала крепкие крестьянские хозяйства и разжигала гражданскую войну. Учет имений не был закончен до глубокой осени 1918 г.

С подписанием Брестского мира промышленность Западной области базировалась на выпуске продукции, предназначенной для мирных нужд. Запасы металла и «иное демобилизованное имущество», оставшиеся после закрытия обслуживавших фронт предприятий, были использованы для изготовления сельскохозяйственных машин и иных орудий труда. Так, в Витебске только на заводе Берлина было сделано 1270 плугов [10, с. 206]. Вступили в строй механическая мастерская в Костюковичах, проволочно-гвоздильный завод в Орше. На предприятиях «Двина», «Дубровенская мануфактура», стекольный завод «Новка» был введен рабочий контроль, а в соответствии с декретом СНК от 28 июня 1918 г. произведена национализация. 5 июля 1918 г. Малый совет Облисползапа издал декрет о национализации и передаче маслодельных и сыроваренных предприятий в ведение земотдела [10, с. 130].

Летом 1918 г. прошла перепись предприятий во всех губерниях РСФСР. К этому времени доля основных видов промышленного производства в Западной области в общем объеме Советской России составляла: по добыче глины для изготовления кирпича в Витебской губ. – 0,6%, Могилевской – 0,2%, Смоленской – 2,3%; обработке металла, соответственно 0,3%, 0,5% и 0,1%; производству машин и инструментов: 0,2%, 0,1% и 0,2%; обработке дерева – 0,9%, 1,4% и 2,3%; переработке продуктов – 0,4%, 0,3% и 0,8%; обработке шерсти – 0,0%, 0,1% и 0,0%; обработке льна – 1,4%, 0,0% и 0,2%, пошиву одежды – 4,6%, 0,6% и 1,9%, производству бумаги – 0,6%, 2,6% и 0,1% и др. [24, с. 7].

По сводной ведомости из 10 114 предприятий Советской России в Витебской губ. насчитывалось 231, Могилевской – 315, Смоленской – 355 [24, с. 2, 3]. Однако далеко не все они были задействованы. Так, в Витебской губ. полностью работали 38 предприятий, а частично – 59; в Могилевской (соответственно) 28 и 53, в Смоленской – 54 и 60 [24, с. 7].

По мере улучшения экономического положения в стране промышленное производство

также набирало обороты. Лучше всего обстояли дела на мелких предприятиях, которые по-прежнему принадлежали частным предпринимателям. Значительную часть продукции (одежда, обувь, мебель и т. д.) по-прежнему выпускали кустари и ремесленники.

Экономической целесообразности в национализации не было. Ее проведения требовала большевистская доктрина, нацеленная на всестороннее подавление эксплуататорских классов города и деревни.

Укрепление позиций большевистской власти в промышленном секторе осуществлялось через советы народного хозяйства. Первый совнархоз был организован в Климовичах в марте 1918 г. [10, с. 275]. Их создание в других уездах и губернских центрах продолжалось до конца года, уже после их освобождения от оккупантов. Проблемами промышленности занимались фабрично-заводские отделы совнархозов совместно с профсоюзами.

Промышленность Западной области имела определенные перспективы к восстановлению довоенного потенциала. Благотворными к тому факторами служили значительное число предприятий, в том числе пока закрытых, а также наличие сырья для изготовления продукции из металла, глины, песка, полотна, дерева, смолы. Определенным подспорьем в обеспечении промышленности сырьем (картофель, лен, молоко, мясо, кожа и др.) могло послужить местное сельское хозяйство

Заключение. Таким образом, 1917 год стал для белорусской экономики периодом дальнейших испытаний, приведших к ее очередному после лета – осени 1915 г. значительному снижению выпуска продукции и ухудшению жизненного уровня населения. Время и условия, когда сельское хозяйство и промышленность Беларуси могло оказывать существенную поддержку русской армии, были утрачены летом – осенью 1917 г. в результате бездарной политики Временного правительства. Октябрьский переворот и сепаратный мир, подписанный большевиками, вывели Россию из мировой войны, но ввергли Беларусь в жесткие условия германской оккупации. Крупной помехой на пути экономических новаций в советской части Беларуси служило то, что, несмотря на «передышку», они происходили, по сути, в условиях гражданской войны. Поэтому на всем протяжении существования Западной области (Коммуны) политические завоевания местных большевиков опережали их экономические достижения.

Список литературы

1. Социалист-революционер. 1917. 21 нояб.
2. Могилевская жизнь. 1917. 9 авг.

3. Могилевская жизнь. 1917. 1 августа; Новое варшавское утро. 1917. 28 июля.
4. Могилевская жизнь. 1917. 20 сент.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 242. Л. 116.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 242. Л. 169.
7. НИАБ. Инвентарный № 15299. Приказы Минского военного округа на театре военных действий.
8. Витебский листок. 1917. 14 июня.
9. Минский голос. 1917. 1 июня.
10. Борьба за Советскую власть в Белоруссии 1918–1920 гг. // Сборник документов и материалов : в 2 т. Т. 1 (февраль 1918 г. – 1919 г.). Минск: Издательство «Беларусь», 1968. 604 с.
11. НИАБ. Ф. 2086. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 325.
12. Данилов Н. А. Влияние Великой мировой войны на экономическое положение России. Пг. ГИЗ, 1922. 95 с.
13. Труды ЦСУ. Т. 5. Вып. 2. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М.: Госиздательство, 1921. 87 с.
14. Сельское хозяйство России в 20 в. // Сборник статистикоэкономических сведений за 1901–1922 гг., 1923. 340 с.
15. НИАБ. Ф. 2696. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 73.
16. Советская правда. 1918. 26 янв.
17. Гофман М. Записки и дневники: 1914–1918: пер. с нем. Л.: Красная газета, 1929. 262 с.
18. НИАБ. Фонд. 325. Оп. 1. Ед. хр. 1142. Л. 32; НАГБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8593, л. 406–424.
19. Звезда. 1918. 5 сент.
20. Звезда. 1918. 30 окт.
21. Звезда. 1918. 19 дек.
22. Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: ООО Издательство «Стрелец», 2001. 400 с.
23. Фих Б. М. Аграрная революция в Белоруссии (1917–1920 гг.). Минск: Высш. шк. 1966. 416 с.
24. Предварительная сводка данных. М.: Госсовнархоз, 1920. 37 с.

References

1. *Sotsialist-revolutsioner* [Socialist-revolutionary]. 1917. November, 21.
2. *Mogilyovskaya zhizn'* [Mogilyov life]. 1917. August, 9.
3. *Mogilyovskaya zhizn'* [Mogilyov life]. 1917. August, 1. *Novoye varshavskoye utro* [New Warsaw morning], 1917. July, 28.
4. *Mogilevskaya zhizn'* [Mogilyov life]. 1917. September, 20.
5. National Archives of Republic of Belarus (NARB). Fund. 60. I. 3. F. 242. L. 116.
6. NARB. Fund. 60. I. 3. F. 242. L. 169.
7. National Historical Archives of Belarus (NHAB). Inventory number 15299. *Priказы Minskogo voyennogo okruga na teatre voyennykh deystviy* [Orders of the Minsk Military District in the theater of operations].
8. *Vitebskiy listok* [Vitebsk leaf]. 1917. June, 14.
9. *Minskiy golos* [Minsk voice]. 1917. June, 1.
10. Struggle for Soviet power in Belarus 1918–1920. *Sbornik dokumentov i materialov* [Collection of documents and materials]. Minsk, Izdatel'stvo "Belarus" Publ., 1968. 604 p. (In Russian).
11. NHAB. Fund 2086. I. 1. Ed. F. L. 325.
12. Danilov N. A. *Vliyaniye Velikoy mirovoy voyny na ekonomicheskoye polozheniye Rossii* [Impact of the Great World War on the economic situation in Russia]. Petrograd, GIZ Publ., 1922. 95 p.
13. Regional results of the All-Russian agricultural and land census of 1917 for 52 provinces and regions. *Trudy TsSU* [Proceedings of the CSB], 1921, vol. 5, issue 2. 87 p. (In Russian).
14. Agriculture of Russia in 20 volumes. *Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy za 1901–1922 gg.* [Collection of statistical and economic information for 1901–1922], 1923. 340 p. (In Russian).
15. NHAB. Fund 2696. I. 1. F. L. 73.
16. *Sovetskaya pravda* [Soviet truth]. 1918. January, 26.
17. Gofman M. *Zapiski i dnevniki: 1914–1918* [Notes and diaries: 1914–1918]. Leningrad, Krasnaya gazeta Publ., 1929. 262 p.
18. NHAB. Fund 325. I. 1. F. 1142. L. 32; NARB. Fund 295. I. 1. F. 8593. L. 406–424.
19. *Zvezda* [Star]. 1918. September, 5.
20. *Zvezda* [Star]. 1918. Oktober, 30.
21. *Zvezda* [Star]. 1918. December, 19.

22. Osipova T. V. *Rossiyskoye krest'yanstvo v revolyutsii i grazhdanskoy voyne* [Russian peasantry in the revolution and civil war]. Moscow, ООО Izdatel'stvo "Strelets" Publ., 2001. 400 p.

23. Fih B. M. *Agrarnaya revolyutsiya v Belorussii (1917–1920 gg.)* [Agrarian revolution in Belarus (1917–1920)]. Minsk, Vysshaya shkola Publ., 1966. 416 p.

24. *Predvaritel'naya svodka dannykh* [Preliminary data summary]. Moscow, Gossovnarkhoz Publ., 1920. 37 p.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchik Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 21.09.2020